

А.С. Ворошилова

СВЯЩЕННИК ЧУЛЫМСКИЙ ТАЙГИ И ЕГО ПАСТВА НАЧАЛА XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ КЛИРОВОЙ ВЕДОМОСТИ О СОСТОЯНИИ ЦЕРКВЕЙ ТОМСКОГО УЕЗДА)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220.№ 14.В25.31.0009).

Рассматриваются возможности использования Ведомостей о состоянии церквей Томского уезда в качестве источника по реконструкции «религиозного пространства» Чулымской тайги в период 1907–1917 гг. Особое внимание уделено исследованию жизни церковно-приходской общины и её главным элементам: священнику, прихожанам и церкви как главному культовому сооружению.

Ключевые слова: Томско-Чулымская тайга; Русская православная церковь; священник; клировая ведомость.

При реконструкции «религиозного пространства» применима концепция культурного ландшафта, что позволяет системно исследовать пространственное измерение культуры. На эту концепцию опираются исследователи, изучающие историю православия на Среднем Урале [1]. И.Л. Манькова связывает Урал и Сибирь с переселенческими волнами, которые отчасти формировали культурный ландшафт [2]. В рамках данного исследования это особенно актуально, поскольку оно затрагивает период 1907–1917 гг., когда в Сибирь в результате переселенческой политики Столыпина приехало значительное количество выходцев из разных регионов России. В этом направлении сравнительно недавно начала работать группа томских исследователей [3].

Реконструкция «религиозного пространства» невозможна без изучения социальных сетей, которые формировались в процессе взаимодействия членов церковно-приходских общин друг с другом. Поскольку базисными элементами церковно-приходской общины являлись церковь, прихожане и священник, то именно их характеристика позволит сделать некоторые выводы о приходе в целом. Особое место в этой цепочке занимает священник, ведь именно перед ним стояла важная государственная задача по духовно-нравственному воспитанию прихожан. В этом отношении особенно важно, насколько эффективно священник справлялся со своими обязанностями и в какие условия был по-

ставлен [4]. Необходимую для этого информацию можно извлечь из материалов фонда Томской духовной консистории [4], который включает журналы заседаний консистории [5], ведомость о приходе церковно-денежных сумм [6], исходящий журнал [7] и др. Важным источником информации для характеристики церковных приходов стали клировые ведомости о состоянии церквей Томского уезда. Клировая ведомость представляла собой обязательный приходской документ, который составлялся один раз в год в двух экземплярах и предназначался церковному начальству для управления епархией. Эта ведомость велась причтом церкви с замечаниями местного благочинного [8]. Непосредственно для данной статьи была взята Ведомость о состоянии церквей Томского уезда за 1907 г. [9]. В ней содержатся достаточно подробные характеристики церквей в различных населенных пунктах, а также информация о священниках и прихожанах.

Каждая ведомость включает в себя несколько групп данных:

- материально-хозяйственное обеспечение (наличие зданий – хозяйственного назначения, жилые дома священнослужителей, учебные заведения и земель, принадлежащих церкви; количество и состояние церковной утвари и принадлежностей, есть ли при церкви библиотека, пользовались ли ей прихожане, иногда указывалось количество экземпляров библиотеки и насколько редкими они являлись);
- сведения о доходах духовных лиц и содержании церкви в целом;
- географическое расположение церкви, её удаленность от ближайших соседних населенных пунктов (как правило, указывалась река, которая находилась наиболее близко, расстояние в верстах от Консистории, центра Благочиния и ближайших церквей, также могла содержаться информация о трудностях сообщения и наличии препятствий к этому);
- содержание притча церкви (краткие биографические сведения о служащих в церкви духовных лицах: семейное положение, послужной список, сведения об образовании, привлекался ли к суду, если да, то за что);
- информацию о прихожанах (количество дворов, половая, сословная, религиозная принадлежность, указывалось также количество отсутствующих на исповеди и причастии в течение года и причины этому – малолетство, нерадение, склонность к сектантству, отлучка).

С помощью этих данных можно провести частичную реконструкцию церковно-приходской общины. Информация о материальном обеспечении позволяет представить церковь как хозяйственный комплекс со своими землями и зданиями. Наличие библиотеки и учебных заведений может служить основанием для оценки образованности, а помещенное в ведомость описание геогра-

фического расположения церкви, а также степени удаленности церкви от Консистории, центра Благочиния и ближайших церквей может служить основой для картографирования при выстраивании религиозного ландшафта. Кроме того, местоположение отчасти влияло на активность жизни прихода, ведь совершенно очевидно, что чем больше церквей в приходе и чем ближе они по отношению к населенным пунктам, тем более часто её будут посещать прихожане, а священнику будет легче выполнять свои обязанности. Сравнение ведомостей нескольких церквей Благочиния № 3 Томского уезда за 1907 г. демонстрирует возможность использования финансовой информации о духовных лицах и церкви в целом. В частности, далее сравниваются: церковь в с. Ново-Кусково во имя Божией Матери, нарицаемой Казанской, церковь с. Пышкинского Живоначалной Троицы (далее именуемая Святотроицкая) и частично привлечены материалы из ведомости о церкви с. Ново-Рождественского во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Эти церкви имеют больше сходных черт, чем различий, к тому же располагались в одной волости (за исключением Ново-Рождественской), но тем не менее разница в их финансировании была значительна.

Казанская и Святотроицкая церкви построены примерно в одно время с разницей в год «тшайнием прихожан» [10. Л. 87–88]. Это говорит о том, что церкви достаточно старые и уже сформировали вокруг себя определенную «аудиторию» верующих, о чем свидетельствуют статистические данные о прихожанах, помещенные в рассматриваемой ведомости. При церкви в Пышкинском дворов 597 с населением в 4 601 чел., из которых 50% исповедовались и причащались, а процент раскольников составил 1,4%. В Ново-Кусково дворов 504, всего населения 3 910 чел., причащались и исповедовались из них 44%, а раскольников уже 5%. Данная статистика может служить основанием для оценки эффективности деятельности священника, поскольку подсчет количества отсутствующих на исповеди и причастии дополнялся указанием причин этому, среди которых можно выделить как объективные (малолетство, отлучка), так и субъективные (нерадение и склонность к сектантству). Связь между последней группой причин и деятельностью священника очевидна. Так, например, в Пышкино-Троицкой церкви количество отсутствующих по нерадению составило 27% от общего числа жителей, а в Казанской (содержание которой было в два раза ниже) – 35%. В церкви с. Ново-Рождественского наличие отсутствующих на исповеди по нерадению вообще не замечено, а доля регулярно причащающихся и исповедывающихся при населении в 2 035 человек составила 76%. Стоит отметить, что при небольшом количестве жителей на содержание причта данной церкви из Государственного казначей-

ства выделялись значительные средства – священнику 500 руб. в год, псаломщику – 175 руб.

Помимо этого, приведенные данные в дополнение с финансовой информацией, также помещенной в клировой ведомости, позволяют сделать некоторые рассуждения о доходах православного сельского священника в Сибири, что тоже отчасти влияло на эффективность его работы. В с. Ново-Кусковском жалование священника составляло 140 руб. в год, псаломщика – 40 руб. В то время как в Пышкинском на содержание причта из Государственного казначейства выделялось священнику 300 руб., а псаломщику – 100 руб. Учитывая, что расчеты казначейства исходили из данных о мало- или многочисленности прихода, то почему же при примерно одинаковой численности населения и количестве духовных лиц в приходе (в Ново-Кусково – 7, в Пышкинском – 13) разница жалования весьма значительна? Есть информация о том, что в пользу Казанской церкви были процентные билеты, отсутствие которых отмечалось в с. Пышкинском, но, вероятно, эти билеты шли на содержание самой церкви, и к личным доходам священнослужителей они не имели никакого отношения, поэтому не могли существенно влиять на материальное обеспечение духовных лиц, а тот факт, что в ведомости содержание причта Пышкинской церкви указывается как удовлетворительное, а Казанской – скудное, свидетельствует о том, что поступление процентных билетов было невелико.

Исходя из вышесказанного, представляется очевидным тот факт, что священникам Казанской церкви, вероятно, приходилось искать какие-то дополнительные источники дохода, помимо тех, что они получали из Государственного казначейства, чтобы хоть как-то преодолевать скудное содержание причта их церкви. Казанская церковь была не единственной плохо финансируемой. В ведомостях других церквей также очень часто в графе о содержании причта отмечалось: «скудное». О том, каким образом священники пытались улучшить свое материальное положение и состояние причта, можно узнать из материалов журнала заседаний Духовной консистории, в которой помещены всевозможные жалобы прихожан. Так, например, вполне возможно, что подобная ситуация с финансированием побудила священника с. Кипринского Михаила Овсянникова несколько раз требовать повышенную плату за выполнение треб. В журнале заседаний Томской духовной консистории за 1907 г. было найдено как минимум две подобных жалобы. В одной он «вымогал» плату за брак с крестьянина Максима Мурзинцева в количестве 45 руб. [6. Л. 2432], а во второй на него жаловались уже несколько человек, с которых он также за бракосочетание просил от 25 до 40 руб. [11. Л. 745].

Таким образом, сложно с достаточной долей уверенности сделать конкретные выводы только на основании представленных данных о том, насколько хорошо священник справлялся с возложенными на него обязанностями, поскольку они достаточно противоречивы. Так, например, известно, что Казанская и Святотроицкая церкви на протяжении почти 40 лет аккумулировали вокруг себя население, просвещали и наставляли его, но тем не менее почти 30% прихожан и той и другой церкви были причислены к «нерадивым». В то же время сравнительно недавно созданная Новорождественская церковь (в 1897 г.) справлялась с этим более эффективно, поскольку процент «нерадивых» там вообще отсутствовал. Тем не менее на основании информации клировой ведомости можно смело предположить, что эта эффективность зависела: а) от дохода священнослужителей и финансового содержания причта церкви, б) соотношения количества духовных лиц и численности населения, в) личности самого священника, его авторитета, г) местоположения церкви. Возможно также выделение и еще одного фактора: наличие старообрядческих скитов, но подтверждение этому требует дальнейшего обращения в фонды архива для поиска дополнительных источников.

Литература

1. *Главацкая Е.М., Манькова И.Л., Цеменкова С.И.* Реконструкция православного ландшафта Урала XVII – начала XXI вв.: из опыта создания историко-культурного атласа // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 11–14.
2. *Манькова И.Л.* Изучение региональной истории православия: каким путем пойти? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ihist.uran.ru/conf/220>, свободный.
3. *Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В.* Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
4. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX в. М., 2002. 256 с.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170.
6. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3428.
7. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3452.
8. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3387.
9. *Щепетков М., священ.* Клировые ведомости как источник персональной информации о храмах и священноцерковнослужителях // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: матер. М., 2006. Т. II. 205 с.
10. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3389.
11. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3406.